

18+

ДМИТРИЙ СТИЛЛАВИН

ПОСЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

КНИГА 3: НОВЫЙ ПОРЯДОК

Дмитрий Стиллавин

**После нашей эры. Книга
3. Новый Порядок**

«Издательские решения»

Стиллавин Д.

После нашей эры. Книга 3. Новый Порядок / Д. Стиллавин —
«Издательские решения»,

Они свергли короля. Они разрушили Жребий. Они построили новый город — Акрополь. Но свобода оказалась страшнее клетки. Беренгар и Каэл, два брата, сломавшие старый мир, стоят перед новой угрозой. Архитектор, пробуждённый их революцией, готов стереть человечество с лица земли. Пути братьев расходятся, но судьба сводит их снова — перед лицом Тени, которая поглощает небо. Выбирая между свободой и выживанием, между ненавистью и прощением, они должны заплатить самую страшную цену.

Содержание

АННОТАЦИЯ	6
ПРОЛОГ: АКРОПОЛЬ	7
ГЛАВА 1: ПАМЯТНИК	11
ЧАСТЬ 1: ДВА ЛИЦА В КАМНЕ	11
ЧАСТЬ 2: БРАТЬЯ	13
ЧАСТЬ 3: ПЕРЕПИСЬ	14
ЧАСТЬ 4: ХОДЖА	16
ЧАСТЬ 5: ДВЕ ЖЕНЩИНЫ	18
ЧАСТЬ 6: НОЧНОЙ ГОСТЬ	19
ГЛАВА 2: РАЗЛУКА	21
ЧАСТЬ 1: ДОПРОС	21
ЧАСТЬ 2: ПОИСКИ	23
ЧАСТЬ 3: ХРАНИЛИЩЕ	24
ЧАСТЬ 4: ПЛАНЫ	25
ЧАСТЬ 5: РАССТАВАНИЕ	26
ГЛАВА 3: ТРИ ДОРОГИ	27
ЧАСТЬ 1: ПИСЬМО ИЗ ПУСТОШИ	27
ЧАСТЬ 2: ТЕНИ ПРОШЛОГО	29
ЧАСТЬ 3: ЗОВ	30
ЧАСТЬ 4: ПОЛЕ СМЕРТИ	32
ГЛАВА 4: БАРОН И СУДЬЯ	34
ЧАСТЬ 1: «ЖАЛКОЕ МЯСО»	34
ЧАСТЬ 2: «ОСТРОВ ЛЮБВИ»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

После нашей эры

Книга 3. Новый Порядок

Дмитрий Стиллавин

© Дмитрий Стиллавин, 2026

ISBN 978-5-0070-8887-9 (т. 3)

ISBN 978-5-0070-6684-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

КНИГА ТРЕТЬЯ: НОВЫЙ ПОРЯДОК

© Стиллавин Дмитрий, 2026

Все права защищены. Никакая часть этой книги в любом виде (электронном, печатном, аудио и т.д.) не может быть воспроизведена, распространена, переведена на другие языки или использована в какой-либо форме без письменного разрешения автора, за исключением коротких цитат в рецензиях и обзорах.

Эта книга является результатом творческого сотрудничества автора и систем искусственного интеллекта. Искусственный интеллект использован как вспомогательный инструмент для генерации идей, редактирования и создания изобразительного ряда.

Все персонажи, события, названия организаций и географические названия в этой книге являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, историческими событиями или существующими организациями случайно.

Возрастная маркировка: 18+ (согласно Федеральному закону №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). Книга содержит сцены насилия, жестокости и описания, не рекомендованные для лиц младше 18 лет.

АННОТАЦИЯ

Четыре года назад «Жребий» пал. Король Ордена Порядка мёртв, и на месте выжженной пустоши вырос новый город — Акрополь, символ надежды и свободы. Беренгар и Каэл, два брата, свергнувшие старый порядок, построили новый мир на обломках прошлого. Но свобода оказалась хрупкой, а цена её — слишком высокой.

Пока Беренгар пытается удержать мирное поселение от распада, Каэл погружается в древние архивы, пытаясь найти ответы на пророчество Льва. Западные земли скрывают невидимую смерть, юг хранит тайны, а на горизонте появляются те, кто помнит правду о прошлом.

Нова, девочка, которую Лев называл дочерью, исчезает. За ней охотятся все — и те, кто хочет спасти, и те, кто жаждет уничтожить.

Героям предстоит сделать выбор: вернуть старый порядок, чтобы выжить, или найти новый путь и заплатить за него самую страшную цену. Каждый шаг приближает катастрофу, а каждая потеря приближает конец света.

ПРОЛОГ: АКРОПОЛЬ

Четыре года спустя.

Акрополь строили на костях Лунной пустоши.

Название новому городу дал Каэл — бывший немой писец, который расшифровывал древние свитки раньше, а затем пересадил себе язык мёртвого зверочеловека Волка и обрёл голос (хриплый, с чужой интонацией, но живой). Он вычитал интересное слово: «Акрополь» — из языка Древних, означавшее «верхний город», крепость на возвышенности, последний оплот цивилизации.

— Мы строим не просто крепость, — сказал Каэл, когда совет утверждал название. — Мы строим символ. Акрополь Древних был местом, где хранились знания, где вершилась судьба народа. Наш Акрополь станет тем же — оплотом нового мира, крепостью, откуда пойдёт новая эра.

Беренгар — бывший пёс Порядка, свергнувший короля северных земель и убивший их надсмотрщика, лишившийся пальцев в битве со Львом, — усмехнулся: «Слишком громко для кучи камней посреди пустоши».

Но Эленор — воскресшая принцесса, потерявшая голос на эшафоте и говорящая жестами, с тонким шрамом на шее, — поддержала выбор Каэла коротким жестом: «Пусть будет Акрополь. Имя обязывает».

Зоряна, уже жена Каэла, когда-то неумелая знахарка, а теперь хирург, спасающий жизни, молча кивнула.

Так на месте руин древнего города, среди серого пепла Лунной пустоши, выросал Акрополь — город, где стены помнят прошлое, а жители строят будущее.

Земля здесь была серой, как пепел, и хрустела под ногами, будто битое стекло. Ни травинки. Ни птицы. Только ветер, который выл в обломках дирижабля, да чёрное пятно там, где тело Маахеса расчленили и сожгли.

Беренгар выбрал это место сам. Символ — новый мир на выжженной катастрофой прошлого земле. Если они смогут вырастить сад здесь, где даже песок мёртв, то смогут всё.

Руал — глава совета Бастиона, бывший пёс новой стражи — отговаривал. Говорил, что проще восстановить старую крепость. Но Беренгар настоял. Он помнил слова Льва про «миллион лишних душ» и Архитектора. Если это правда — им нужно место, куда можно будет принять беженцев. Место, которое не будет напоминать о старом Порядке.

Руал уступил. Но людей дал немного — только добровольцев.

Первые два года были адом. Люди жили в палатках из брезента, мёрзли зимой, задыхались от пыли летом. Возили чернозём из восточных лесов — сотни телег, тысячи вёдер. Копали каналы.

Среди тех, кто поднимал Акрополь из пепла, был и Димитр — тот самый молодой рыцарь, который сражался с Агамом на дирижабле и стоял рядом с героями в последней битве с Маахесом. Он не искал славы. Он просто хотел, чтобы у его будущих детей был дом, где не будет Жребия. Димитр работал наравне со всеми — таскал камни, копал каналы, учил детей держать меч. Его не стало на второй год строительства: старые раны, полученные в боях, открылись и воспалились. Зоряна делала всё, что могла, но организм был слишком измотан походами и битвами. Он умер на руках у Каэла, прошептав: «Скажите Беренгару... он был прав. Мир стоит того, чтобы его строить». Его похоронили у северной стены, там, где сейчас цветут яблони. Говорят, по ночам ветер доносит из сада тихий смех — будто Димитр всё ещё смеётся над шутками, которые травил в походе.

Фархад, вожак южных беглецов, пригнал из пустыни семена засухоустойчивых растений. Его супруга Феру-Захон учила северян прививать южные побеги к диким северным корням. Галжи, лучший стрелок, охотился в окрестностях, снабжая строителей мясом.

На третий год земля ожила. Сначала пробилась редкая трава. Потом прилетели первые птицы. А к концу третьего лета зацвели яблони.

К четвёртому году Акрополь утопал в зелени. Огороды тянулись за стенами — капуста, морковь, репа, даже арбузы. Над городом висели шмели. Люди строили дома из дикого камня и леса, крыли тёсом, ставили резные наличники. На центральной площади повесили колокол.

Новый город не был военной крепостью. Мирное поселение. Ни тюрем, ни виселиц. Провинившийся должен был отработать — посадить деревья, выкопать канаву.

Но это не значило, что город беззащитен.

У двух самопровозглашённых командующих — Беренгара и Каэла — выросла своя стража. Не псы, как при старом Порядке, а рыцари — в облегчённых доспехах, с мечами и арбалетами. Два десятка всадников на выносливых лошадях. Чёрные плащи с вышитой на спине звездой — символом Акрополя.

Каэл, когда не занимался хозяйством, изучал древние архивы — те, что успел скопировать и вывезти из Бастиона. На картах, которые ему удалось расшифровать, были отмечены бункеры Древних. Некоторые уже разграбили мародёры, другие стояли нетронутыми. Он составлял маршруты, а его брат отправлял отряды.

Рыцари ездили на юг, восток и запад — за автоматами, патронами, гранатами, за орудиями и техникой Древних. Всё свозили в Акрополь, складировали в подвалах. Чтобы не попало в плохие руки. Чтобы было чем защищаться, если придёт беда.

Но не все караваны возвращались. В последнее время в пустоши орудовали налётчики. Нападали внезапно, грабили и исчезали. Никто не знал, кто они — бывшие псы, отчаявшиеся крестьяне или кто-то другой. Только тени в темноте...

Каэл и Зоряна приехали в Акрополь на третьей неделе весны. Телега, гружёная ящиками с лекарствами и книгами, остановилась у ворот. Зоряна слезла первой, размяла спину.

— Здесь будем жить? — спросила она.

— Здесь, — ответил Каэл.

Она не стала спорить. Четыре года назад они поселились в Бастионе — помогали Руалу восстанавливать город. Но Акрополь был мечтой Беренгара, и Каэл хотел быть рядом с братом. Зоряна уступила. Тем более что в новом городе нужен был лазарет...

Беренгар тогда сидел на крыльце своего дома, сжимая левой рукой кружку с травяным чаем. Правая, в чёрной кожаной перчатке, лежала на колене неподвижно. Он смотрел, как Нова снова уходит за ворота.

Она не спрашивала разрешения. Четырнадцать лет, худая, с коротко стриженными пепельными волосами — сама отстригла, когда ей сказали, что она похожа на Эленор. Плечо, простреленное четыре года назад, зажило, остался белый мясистый шрам.

Девочка ненавидела этот шрам. И того, кто его оставил.

Беренгар иногда ловил себя на мысли, что Нова — не просто ребёнок. Маахес, Лев, Король зверолодей, умирая, сказал: «Она важнее Порядка. Если она умрёт — рухнет всё». Он не понимал этих слов. Но чувствовал: они правдивы. Когда она пропадала в пустоши, у него холодело внутри. Не только из-за вины — из-за чего-то ещё. Будто её жизнь держала что-то невидимое.

Он не знал, что именно. И не хотел знать. Может, боялся.

Эленор вышла, положила руку ему на плечо. Жестом показала — она вернётся.

Беренгар кивнул...

Нова тем временем уже сидела на обломках дирижабля за воротами Акрополя. Она приходила сюда каждый раз, когда сбегала из города. Здесь она чувствовала отца. Не его тело, а

его присутствие. Казалось, воздух над этим местом был тяжелее, будто что-то осталось, отказывалось уходить.

В тот день ветер дул с запада, и Нова вдруг замерла. Ей показалось, что она чувствует запах, невыносимо знакомый запах из её детства.. Она не могла вспомнить, где слышала его раньше, но где-то глубоко в памяти, в том тёмном зале с чёрными кубами, где она сидела рядом с отцом, этот запах уже был. Тогда, в её детстве, рядом с Маахесом сидел кто-то — высокий, с птичьим лицом. Запах принадлежал ему. Она принюхалась — и снова ничего, только пыль и сухая трава.

Она подняла голову к небу. Там, на фоне бледного солнца, мелькнула тень. Слишком большая для птицы. Слишком правильная для облака. Тень сделала круг, будто высматривая что-то, нырнула за единственное облако на небе — и больше не появилась, хотя облако было слишком маленьким, чтобы скрыть даже крупную птицу. Нова моргнула, вглядываясь в пустоту. Тени не было.

Она решила, что это просто игра света, а запах — просто ветер с пустоши. Но в ту ночь ей приснился сон. Огромная тень с крыльями парила над Акрополем, и Нова знала — она ищет именно её. А рядом с тенью был тот самый запах — знакомый и чужой одновременно. Проснувшись, Нова не рассказала никому о сне...

Каэл подошёл к брату, сел рядом. Братья обнялись — коротко, как всегда. Помолчали.

— Зоряна уже в лазарете? — спросил Беренгар.

— Да.

— Хорошо. Фома стареет.

— Она справится.

Они смотрели, как за воротами тает фигура Новы.

— Она не простит, — сказал Каэл.

— Знаю.

— Отец в Бастионе? — спросил Каэл.

— Да, — ответил Беренгар. — Руал присматривает за ним. Говорит, старик каждый день выходит на стену и смотрит на юг. Ждёт вестей.

— Он дождётся, — сказал Каэл. — Мы вернёмся.

Беренгар пошевелил пальцами правой руки под перчаткой. Культи ныли к погоде. Он давно привык, но иногда боль возвращалась.

— Ты пересчитал людей? — спросил Беренгар.

— Да. От Бастиона до южных земель. Нас не миллион. Даже близко.

— Значит, у нас есть время.

— Или Лев врал. Или ошибался.

Оба замолчали. Слова Льва — «когда миллион лишних душ заселят поверхность, Архитектор придёт снова» — не давали покоя. Они перебирали их сотни раз, но смысл ускользал.

— Что с остальными землями? — спросил брат.

— Барибал сложил полномочия, когда узнал, что Лев мёртв. Ушёл в леса. Своим людям сказал: порядка больше нет. Но они всё равно продолжают обменивать одного «нового» на одного «старого». Сами. Без надсмотрщика.

— А Лиса?

— Жива. И не думает уходить. Её земли до сих пор закрыты. Лазутчики не возвращались.

— А Кот?

— Тихо. В землях Ходжи всё по-старому. Люди живут под землёй, ждут Жребия, но никто не приходит. Ходжу никто не видел четыре года. Говорят, он где-то в пустыне, но не мешает.

— Значит, он просто ушёл.

— Или ждёт, — ответил Беренгар. — Как и все мы.

— А запад?

— Никто не знает. Лазутчики не возвращаются. Последний донёс: если переплыть пролив и ступить на берег, через несколько шагов тело разрывает на куски. Будто невидимые клинки режут изнутри. Возможно там не люди живут.

— Или люди, которые нашли способ защитить свои земли, — ответил Каэл. — Такие же, как мы.

— Но мы не знаем, что там. А раз не знаем — не можем судить.

Беренгар смотрел на запад, туда, где за горизонтом лежали неизведанные земли. «Мы уничтожили Порядок здесь, — подумал он. — Но он есть везде. Если мы остановимся — всё, что мы построили, станет просто отсрочкой»...

А где-то высоко над Акрополем, невидимый для глаз, Ибис делал очередной круг. Он следил за городом уже несколько недель. За девочкой с пепельными волосами, которая сидела на обломках и смотрела в небо. За двумя братьями, которые пытались построить новый мир на руинах старого. Он ждал. Он знал, что момент приближается. И когда он настанет, он должен быть рядом.

Он развернул крылья и улетел, растворяясь в сером небе.

ГЛАВА 1: ПАМЯТНИК

Памятники нужны не мёртвым. Они нужны живым — чтобы помнить, какой ценой даётся право не бояться.

ЧАСТЬ 1: ДВА ЛИЦА В КАМНЕ

Центральная площадь Акрополя в это утро была залита светом. Солнце, которое четыре года назад казалось чужим на этой мёртвой земле, теперь щедро поливало мостовую, крыши домов, яблони, отяжелевшие от первых завязей. Колокол на площади прозвонил трижды — не в набат, не в пожар, а ровно, торжественно, как звонят в память.

Беренгар стоял перед памятником один. Толпа разошлась, рыцари разъехались по постам, остались только дети, которые кружили у подножия каменных стел, пока матери не увели их за руки. Он не торопился. Смотрел на два лица, выбитые в сером граните, и пытался понять, почему время не лечит, а только притупляет.

Гурион смотрел с левой стелы. Скульптор — местный каменотёс — поймал его суровое, изрезанное шрамами лицо, тяжёлую челюсть, глаза, которые при жизни всегда казались полуприкрытыми. Вторая стела — Селвин. Тонкие губы, острый нос, взгляд исподлобья. Даже в камне он выглядел так, будто готовился к удару.

Беренгар провёл пальцами по шершавой поверхности.

Гурион.

Он вспомнил псарню. То время, когда его привели к этому человеку. Среди десятков одинаковых щенков в серых робах Гурион остановился перед ним и замер. Беренгар думал тогда, что его выбрали случайно. Потом, через годы, понял: Гурион искал не силу. Он искал сомнение. В глазах остальных щенков была пустота или страх. В его глазах был вопрос: «Зачем?»

Обучение было жестоким. Гурион бил наотмашь, если ученик зевал, заставлял бегать по стенам крепости с камнем за пазухой, орал так, что уши закладывало. Но никогда не бил без причины. И ни разу не назвал «псом».

— Ты человек, — сказал он однажды, когда Молчун после тренировки лежал на плацу, не в силах подняться. — Запомни. Пёс — это тот, кто выполняет приказы не думая. Ты будешь думать. Даже если это больно.

Была одна история, которую Гурион рассказал сам, когда они уже бежали от старого Порядка. У него был друг Эрн. Его объявили «лишним» по ложному доносу. Орден решил проверить лояльность Гуриона — приказал лично перерезать другу горло. Гурион подчинился. А перед смертью Эрн прошептал: «Спасибо... я больше не хочу убивать детей. Ты освободил меня».

Гурион тогда понял: если мир таков, что благодарность говорят за убийство — этот мир нужно сжечь. И он начал искать щенков с сомнением в глазах. Чтобы воспитать тех, кто однажды скажет «нет».

— Ты был прав, — прошептал Беренгар, стоя перед каменным лицом. — Мы сказали «нет». Но теперь... я не знаю, что дальше.

Он перевёл взгляд на правую стелу. Селвин. Бывший палач, который убил сотни по приказу старого короля. Беренгар впервые увидел его в Валии, на эшафоте, когда тот заносил топор над головой Эленор. Он не знал тогда, что это Селвин. Увидел только чёрную фигуру в маске, безликого палача.

Селвин искупил свои грехи — гранатой на дирижабле, взрывом, который разорвал его тело, но не волю.

«Он тоже улыбался, — подумал Беренгар. — Как Гурион. Как Эрн. Они все улыбались, когда уходили. А я всё ещё здесь. И не знаю, смогу ли когда-нибудь улыбнуться так же».

Он положил руку на холодный камень.

— Могилы нужны, — сказал он тихо. — Чтобы помнить.

Ветер донёс запах цветущих яблонь. Он отнял руку. Пора было идти.

Он вспомнил, что вчера получил весточку из Бастиона. Руал писал, что отец жив и здоров, хотя и стал слабее. Беренгар уже говорил об этом с Каэлом в прошлый раз — они оба знали, что старик ждёт их. Беренгар обещал себе, что навестит отца, как только закончатся дела. Но дела не кончались.

Командующий обернулся и увидел в толпе брата — тот стоял у колодца, не подходя ближе. Рядом с ним топтался рыцарь в чёрном плаще. Беренгар не узнал его. Рыцарь что-то быстро говорил, потом поклонился и исчез в переулке.

Каэл не обернулся. Просто смотрел на брата издалека.

Беренгар нахмурился.

«Что-то не так», — подумал он.

ЧАСТЬ 2: БРАТЬЯ

Беренгар догнал брата у входа в новый дом — тот, что выделили ему на окраине Акрополя, рядом с лазаретом. Дом был маленьким, в два окна, с палисадником, где Зоряна уже посадила травы. Каэл стоял на крыльце, перебирая какие-то бумаги.

— Кто это был? — спросил брат, не здороваясь.

— Помощник, — Каэл не поднял головы. — Переписывает свитки.

— У тебя были помощники. Я их знал. Этого я не видел.

— Новый. Из Грэдона. Приехал недавно, помогает с архивами. Ты его не знаешь.

Беренгар замолчал. Он чувствовал — брат не договаривает. Голос у Каэла стал глубже за последние годы, с едва уловимым рыком на низах. Иногда, когда он говорил быстро, в горле проскальзывал чужой, звериный звук. Брат старался не обращать внимания.

— Я проверю его, — сказал Беренгар.

— Проверь, если хочешь, — Каэл пожал плечами. — Он просто копирует свитки. Никаких секретов.

Каэл посмотрел на него долго, пристально. Его глаза — серые, такие же, как у Беренгара, — стали почти прозрачными. Будто он видел не брата, а что-то за его спиной.

— Ты боишься, — сказал Каэл.

— Чего?

— Меня.

Беренгар хотел возразить. Вместо этого услышал свой голос:

— Ты изменился.

— Все меняются.

— Ты режешь трупы звероловцев и не моргаешь. Ты слышишь то, чего не слышим мы, и молчишь. Это не «все».

Каэл убрал бумаги во внутренний карман.

— Я не резал трупы четыре года. Лев был последним.

Бывший пёс замолчал. В последнее время несколько отрядов не вернулись из разведки, но Каэл отчитывался, что они задержались на юге. Беренгар не проверял — зачем? Он верил брату. Он не знал о тайных приказах на юг. Каэл не говорил, и Беренгар не спрашивал — до поры. Но сейчас, глядя в глаза брата, он вдруг почувствовал: что-то ускользает. Что-то важное.

Он хотел настаивать. Хотел спросить, что на самом деле происходит. Но в голове уже билась другая мысль: Нова снова ушла в пустошь. Она не возвращалась уже два дня. Беренгар чувствовал это — тревогу, которая росла с каждым часом. Пропажа Новы была важнее. Её жизнь, её странная, пугающая важность для этого мира.

— Мы поговорим позже, — сказал он и отвернулся, не дожидаясь ответа.

ЧАСТЬ 3: ПЕРЕПИСЬ

Каэл сидел за столом один.

Дом, который он ещё не обжил, пах сырым деревом и извёсткой. Зоряна была в лазарете — принимала роды у жены кузнеца. Он сказал, что ему нужно разобрать бумаги, и она не стала спорить.

Перед ним лежала карта. Не та, что висела в зале совета, — другая, самодельная, исчерканная пометками. Каэл рисовал её сам, по ночам, когда не мог спать. Красные кресты отмечали поселения, население которых удалось пересчитать. Чёрные круги — те, куда отряды не дошли. Тонкие стрелки — направления вылазок.

Юг.

Он провёл пальцем по границам бывших земель Агама, потом Ходжи, Лисы. Четыре года назад там было тихо. Люди жили под землёй, ждали Жребия, но никто не приходил. Каэл думал тогда — порядок рухнул, зверолюди ушли, можно считать.

Он ошибся.

Первые отряды возвращались с пустыми руками. «Люди не хотят выходить на поверхность, — докладывали рыцари. — Они боятся солнца, боятся воздуха, боятся нас». Каэл отдал приказ: уговаривать. Потом — настаивать. Потом — выводить силой.

Он оправдывал себя цифрами. Чтобы предотвратить катастрофу, нужно знать точное количество людей. Лев сказал: «когда миллион лишних душ заселят поверхность...». Значит, есть порог. Если его не знать — можно случайно перешагнуть.

«Если я узнаю точное число, я смогу понять, когда порог будет близок, — думал Каэл. — И тогда... я найду способ спрятать людей. Под землю. В бункеры Древних. Туда, где Архитектор их не достанет. Это единственный способ. Они будут жить».

Он перерыл все архивы, какие смог найти. Ни одного упоминания о пороге. Лев говорил о миллионе, но миллион от чего? От общего числа? От численности до катастрофы? Каэл не знал. Но надеялся, что цифры сами сложатся в ответ.

Он не говорил брату о тайных приказах. Беренгар не поймёт. Для Беренгара свобода была в том, чтобы никто никого не трогал. Для Каэла — в том, чтобы выжить. Он отправлял отряды под видом обычных разведывательных миссий, а доклады шли напрямую к нему, минуя Беренгара. Брат не знал. И, может быть, не должен был знать.

Но некоторые отряды не возвращались.

Последнее донесение лежало сверху. Каэл развернул его, хотя помнил каждое слово:

«Отряд из пяти человек вошёл в подземное поселение на границе земель Агама. Жители отказались выходить. Командующий приказал применить силу. Посланник не вернулся. Связь потеряна. Предположительно, все погибли. Подробности нет».

Каэл закрыл глаза.

Он чувствовал это — язык во рту шевелился, когда он думал о юге. Предупреждал. Там, под землёй, кто-то был. Кто-то, кто убивал его рыцарей, не оставляя свидетелей.

«Старый надсмотрщик, — подумал Каэл. — Агам мёртв. Лиса на своих землях. Остаётся только...»

Он не договорил. Потому что знал имя.

Ходжа.

Он отложил донесение, взял чистый лист. Написал приказ — новый отряд, другие маршруты, в обход. Не потому, что надеялся на успех. Потому что остановиться уже не мог.

«Числа, — подумал он. — Главное — числа. Если я соберу достаточно данных, я пойму, где порог. И тогда...»

Он не знал, что тогда. Может, предотвратит катастрофу. Может, сам станет тем, кто её запустит.

Каэл подписал приказ и отложил его в стопку для гонца.

А за окном уже серело. Скоро должна была вернуться Зоряна. Он спрятал карту в ящик, задвинул его и посмотрел на свои руки — бледные, с вечными чернильными пятнами. Руки писца. Руки убийцы.

ЧАСТЬ 4: ХОДЖА

Под землёй южных земель всегда было темно. Но к этой темноте привыкаешь — через поколение она становится небом, а масляные лампы — солнцем. Люди, которые жили здесь веками, уже не помнили, как выглядит настоящий свет. Только старики иногда рассказывали детям: «Там, наверху, есть шар, который жжёт глаза».

Рыцари Акрополя ворвались в одно из южных поселений на рассвете, когда большинство ещё спало. Пятеро в чёрных плащах, с автоматами и другими орудиями Древних. Они не кричали — действовали быстро, как учили.

— Выходите! Все на поверхность!

Люди выбегали из домов — в ночных рубашках, босиком, с детьми на руках. Женщины плакали, мужчины хватали ножи, но рыцари были быстрее. Стволы автоматов смотрели в лица.

— Мы не хотим наверх! — крикнул старик с белой бородой. — Там смерть!

— Здесь тоже, — ответил командир отряда, молодой рыцарь с рыжими усами. — Выходите, или мы вытащим вас силой.

Старик не двинулся.

Тогда рыцарь выстрелил в воздух. Пуля ушла в потолок, выбив крошку бетона. Женщина с ребёнком завизжала. А старик всё стоял.

— Я не уйду, — сказал он.

Командующий подошёл ближе, схватил его за шиворот, потащил к выходу. Старик вырывался, кричал, но сил не было. Тогда рыцарь ударил его прикладом — не сильно, оглушающе. Старик упал.

— Ещё раз откажешься — убью, — сказал командующий.

Из темноты шагнула тень.

Рыцари не слышали шагов. Не увидели, как она прошла мимо стражников, выставленных у входа. Просто в какой-то миг она оказалась между рыцарями и людьми — тень приняла черты человека: высокий, худой, в простой серой одежде. Лица не было видно — капюшон скрывал его почти полностью. Но руки, свисающие вдоль туловища, были с длинными пальцами и когтями.

— Вы пришли от Беренгара и Каэла? — спросил он. Голос был тихим, спокойным, без угрозы.

Рыцари вскинули оружие.

— Стоять! Назови себя!

— Вы знаете, кто я. — Он откинул капюшон.

Янтарные глаза с вертикальными зрачками. Уши с кисточками, которые чуть поворачивались, ловя каждый звук. Песочная шерсть на скулах, длинные чёрные усы.

— Ходжа, — выдохнул кто-то из рыцарей.

— Он самый.

— Вы должны покинуть эти земли. Здесь старый Порядок отменён. Мы имеем право...

— Что вы имеете право? — перебил зверь. — Убивать безоружных? Выгонять людей из домов, где жили их деды? Беренгар знает, что вы здесь?

Рыцари молчали.

— Каэл знает? — продолжил Ходжа, и в его голосе появились первые нотки стали. — Или вы его тайные псы? Те, кого посылают на грязную работу, чтобы потом отречься?

— Мы выполняем приказ, — выдавил командир отряда.

— Чей? — Ходжа сделал шаг вперёд. — Назовите имя. Чей приказ вы выполняете?

— Командующего Каэла, — ответил рыцарь, и его голос дрогнул.

— А Беренгар в курсе?

Тишина. Никто не ответил.

— Значит, нет, — Кот покачал головой. — Вы — тайные псы. Вы гоните людей из их домов, вы убиваете стариков, которые не могут сопротивляться. И вы называете это свободой?

— Мы спасаем мир, — прошептал один из рыцарей.

— От кого? — Ходжа повернулся к нему. — От Архитектора? Вы даже не знаете, кто это. Вы просто боитесь. И страх делает вас такими же, как старый Порядок. Только ошейники другие — не железные, а из совести. Но они душат так же.

Рыцари переглянулись. Оружие дрожало в их руках.

— Я предлагал вам уйти, — сказал Кот. — Помните? Но вы не ушли. Вы пришли сюда снова. С оружием. С приказом убивать, если не послушают.

— Мы... мы хотели только...

— Что? — Кот шагнул к командующему. — Пожалуйста, скажите. Что вы хотели?

Командующий выстрелил.

Пуля ушла в стену. Ходжа даже не шелохнулся.

— Звериная доля, — сказал он тихо, глядя на свои когти. — Я пытался её сдерживать. Четыре года. Ради вас. Ради того, чтобы доказать себе, что я могу быть человеком. — Он поднял глаза. — Но вы не оставляете выбора.

Он двигался быстро. Быстрее, чем глаза могли уследить.

Первый рыцарь — горло перерезано одним движением. Второй — когти вошли в грудь, пробив бронежилет. Третий попытался выстрелить — Ходжа перехватил автомат, сломал его о колено и ударил ребром ладони по кыстью. Четвёртый побежал — догнал в три прыжка, полоснул по спине.

Последний, самый молодой, стоял с поднятыми руками. Автомат выпал на землю.

— Не убивайте, — прошептал он. — Пожалуйста.

Ходжа замер. Дышал тяжело, часто. Кровь капала с когтей.

— Ты хочешь жить?

— Да.

— Тогда передашь послание, — Кот вытер лапы о плащ одного из убитых. — Скажешь своему командующему — Каэлу или Беренгару, не важно, — что я хочу говорить. На моих землях. На юге. Через седмицу. Приедут герои нового мира — я приду. Пришлют убийц — я их убью.

Молодой рыцарь кивнул, часто и быстро.

— Ступай, — сказал Ходжа.

Рыцарь побежал. Не оглядываясь.

Кот остался стоять среди тел. Посмотрел на людей, которые жались к стенам, зажимая рты, чтобы не кричать.

— Не бойтесь, — сказал он устало. — Я никого не трону. Вы свободны. Живите, как жили.

— Господин Ходжа, наш Бог, — прошептала женщина с ребёнком. — Они вернутся.

— Не вернутся, — Ходжа покачал головой. — Я пойду к ним сам. Поговорю. Если они не остановятся — я их остановлю.

Он ушёл в темноту, бесшумный, как тень.

А люди остались стоять — живые, напуганные, свободные.

ЧАСТЬ 5: ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

В лазарете Акрополя пахло травами и мазями. Зоряна закончила принимать роды ещё в полдень, но осталась — нужно было перебрать запасы, разложить свежие бинты, проверить настойки. Эленор пришла помочь, хотя её никто не просил.

Она сидела на табурете у окна, перебирала сушёную календулу и слушала, как шуршат пальцы Зоряны. Женщины не говорили — Эленор не могла, а Зоряна не хотела нарушать тишину. Но иногда молчание бывает громче слов.

— Он опять не спал, — сказала наконец Зоряна, не глядя на подругу. — Каэл. Всю ночь сидел над чем-то. Я просыпалась — он сидел. Я засыпала — он сидел.

Эленор отложила календулу. Жестом показала: «Что он ищет?»

Та лишь повела плечами.

Эленор жестом: «Он боится Архитектора».

— Все боятся, — Зоряна вздохнула. — Но Каэл боится по-своему. Он хочет предотвратить катастрофу. Даже если для этого придётся делать то, что он сам ненавидит.

Она помолчала. Потом добавила тише:

— Я боюсь не Архитектора. Я боюсь, что мой муж перестанет быть собой.

Эленор сжала её руку. Показала: «Беренгар тоже изменился».

— Он всё ещё винит себя? За ребёнка? За Нову?

Эленор кивнула. Потом, помедлив, коснулась своего шрама на животе — белого, мясистого, который остался после операции четыре года назад. Показала: «Никогда не простит».

— Мы все себя не прощаем, — сказала Зоряна. — Я иногда думаю — если бы я тогда не взяла у Кота рецепты, может, Матильда была бы жива. Может, я стала бы другой.

Эленор покачала головой. Жест: «Ты стала той, кто спасает жизни».

— Спасая. Но какой ценой?

Зоряна посмотрела на Эленор, и в её взгляде мелькнуло что-то тёплое, почти лукавое.

— Кстати, я хотела тебя спросить, — сказала она, понизив голос. — Ты была у меня на осмотре месяц назад. Твоя матка полностью восстановилась. Шрамы почти не видны. Если вы с Беренгаром захотите...

Эленор опустила глаза. Её пальцы легли на живот — туда, где когда-то был Лapid, которого она потеряла в пустыне. Она не улыбнулась, но в её взгляде, устремлённом в окно, мелькнуло что-то, чего Зоряна не видела уже давно. Надежда?

— Ты думала об этом? — спросила Зоряна.

Эленор медленно кивнула. Её руки, тонкие, с длинными пальцами, сложились в жест: «Мы пытаемся. Снова. Я не знаю, получится ли. Но мы пытаемся».

Зоряна сжала её ладонь.

— Получится, — сказала она. — Я сделаю всё, чтобы получилось.

Они помолчали, глядя в окно. Сумерки сгущались, за окном стихали детские голоса. Где-то хлопнула дверь, кто-то позвал собаку. Обычный вечерний шум Акрополя.

И вдруг Зоряна замерла.

Там, в сумерках, между двумя домами, мелькнула тень. Высокая, худая, с развевающимся подолом одежды. Тень прошла — и исчезла.

— Что? — спросила Эленор жестом.

— Ничего, — ответила Зоряна. — Показалось.

Но она смотрела туда ещё долго.

ЧАСТЬ 6: НОЧНОЙ ГОСТЬ

Беренгар не спал.

Эленор ещё не было дома — она осталась в лазарете, помогая Зоряне с вечерним обходом. Нова до сих пор пропадала в пустоши, и никто не знал, когда она вернётся. Дом был пуст. Тишина давила на стены, заставляя слышать собственное дыхание.

Командующий лежал на спине, глядя в потолок, и перебирал в голове события дня. Памятник. Гурион. Селвин. Разговор с Каэлом, который так ничем и не кончился. Что-то было не так. Что-то ускользало.

Правая рука в перчатке ныла — к перемене погоды. Он пошевелил культиями, привычно массируя затёкшие мышцы...

Стук в дверь был коротким, но настойчивым.

Беренгар сел, на шарил под подушкой пистолет. Прошёл к двери, выглянул в щель.

На пороге стоял рыцарь. Молодой, с впалыми от недосыпа глазами, с чёрным плащом, покрытым пылью. На лице — следы запёкшейся крови, на руке — самодельная повязка. Беренгар узнал его — он старался запоминать лица своих рыцарей. Рыцарь мялся, не поднимая глаз.

— Господин, — выдохнул рыцарь. — Я... меня послали.

— Кто?

— Тот. Зверь. Мы... мы были на юге. Он убил всех, кроме меня.

Беренгар распахнул дверь.

— Входи. Рассказывай.

Они прошли в кухню. Рыцарь сел на лавку, сжимая кружку с водой, которую Беренгар поставил перед ним. Пальцы дрожали, вода плескалась через край.

— Мы пришли в подземное поселение, — начал рыцарь. — Приказ был — вывести жителей на поверхность. Люди отказались. Командир ударил старика... потом появился он. Сказал, что хочет говорить. Пытался нас убедить. Спрашивал, знает ли командующий Каэл о наших приказах.

— И что?

— Зверь сказал, что мы — тайные псы нового порядка. Что мы делаем грязную работу. И что он хочет говорить... с командующим Каэлом. Один на один. На своих землях. Он ждёт его.

Беренгар замолчал. Внутри всё похолодело — не от страха, от предчувствия.

— Кто отдал приказ идти на юг? — спросил он.

Рыцарь опустил глаза.

— Командующий Каэл.

— Каэл знает, что ты вернулся? — спросил Беренгар.

— Нет, господин. Я пошёл прямо к вам. Он не знает.

Беренгар кивнул. «Значит, я узнал это раньше брата. Хорошо. Или плохо».

Беренгар закрыл глаза.

«Брат, — подумал он. — Что ты наделал».

Он должен был пойти к Каэлу. Сейчас. Сразу. Потребовать ответа. Но в голове билась другая мысль: Нова. Она пропала. Два дня. Может, уже три. Он чувствовал это — странную, липкую тревогу, которая росла с каждым часом. Если Каэл предал — он узнает завтра. Если Нова умрёт — он не простит себе никогда.

«Я должен пойти к нему сейчас, — подумал Беренгар. — Но если я пойду, мы поругаемся. Или хуже. Не время для братской войны. А Нова... она ждёт. Я чувствую. Я должен найти её. Каэл подождёт до утра».

— Отдыхай, — сказал он вслух. — Завтра доложишь совету. И никому ни слова до утра.

Рыцарь кивнул и вышел.

Беренгар остался на кухне один. Снял перчатку, посмотрел на культи правой руки — розовые, уродливые, с рубцами. Потом подошёл к сундуку, достал кожаный мешок.

Стальные когти блеснули в темноте. Они были холодными, тяжёлыми. Беренгар надел их на культи, затянул ремни — и рука снова обрела пальцы. Смертоносные пальцы. Он сжал их в кулак, чувствуя знакомую тяжесть. Это оружие, которое он носил с собой в самые опасные дни. Теперь оно снова понадобится.

«Нова, — подумал он. — Где же ты?»

— Я приду за тобой, — сказал он в пустоту. — А с братом... поговорим потом.

За окном шумели яблони. Где-то далеко, за горизонтом, бродил Ходжа в своей пустыне. А между ними — Нова, которая пропала. И Каэл, который что-то скрывал.

Беренгар выбрал Нову. И это был его выбор.

ГЛАВА 2: РАЗЛУКА

Иногда, чтобы спасти то, что любишь, нужно отпустить то, что держишь.

ЧАСТЬ 1: ДОПРОС

Подвал временной комендатуры пах сыростью и старой кровью. Масляная лампа чадила, отбрасывая на стены жёлтые, прыгающие тени. Каэл сидел на грубом деревянном табурете, положив руки на колени. Перед ним, привязанный к стулу, стоял Драгомир — тот самый рыцарь, который принёс весть от Ходжи.

Руки парня были связаны за спиной, на лице запеклась грязь, смешанная с кровью из разбитой губы. Он не понимал, зачем его притащили сюда. Командующий Каэл вызвал его лично, спросил про юг. Он ответил, как было. А потом началось.

— Расскажи ещё раз, — голос второго командующего был ровным, почти спокойным.

— Господин, я уже...

— Расскажи.

Драгомир сглотнул. В горле пересохло.

— Мы пришли в подземное поселение. Люди отказались выходить. Командир ударил старика. Потом появился Кот. Он сказал, что хочет говорить. Спрашивал, знает ли господин Беренгар о наших приказах...

— Про Беренгара я помню. — Каэл подался вперёд, его глаза в тусклом свете казались чёрными провалами. — Что он сказал про меня?

— Он... он спросил, знает ли господин Каэл. Я ответил, что знаете. Тогда он сказал, что вы... что вы стыдитесь отправлять нас. Что мы — ваши тайные псы.

Каэл молчал. Драгомир не выдержал, заговорил быстрее, захлёбываясь словами:

— Он сказал, что хочет говорить с вами или с вашим братом. На своих землях. Я ничего больше не знаю, господин! Клянусь!

— Он убил моих рыцарей, — медленно сказал Каэл. — Защищая тех, кто отказался подчиниться приказу.

— Господин, он защищал...

— Что?

— Тех людей. Он сказал, что они свободны.

Каэл встал. Подошёл к Драгомиру, замер в шаге. Потом, не глядя, взял со стола железный прут — оружие, которое приготовил заранее.

— Ты дрожал на построении, — сказал он тихо. — Ты терял строй. Ты не умеешь держать автомат как следует. Зачем Беренгар взял тебя в отряд?

— Я... я хотел служить...

— Ты хотел служить? — Каэл ударил прут по предплечью Драгомира. Не сильно, не ломая — просто больно. Рыцарь вскрикнул. — Ты служишь, значит. Повтори. Что сказал Кот?

— Он хочет говорить! На своих землях! — выкрикнул Драгомир.

— Он хочет говорить, — повторил Каэл, и в голосе его прорезалось рычание — глухое, звериное, от которого у Драгомира волосы встали дыбом. — Он убивает моих людей. Он мешает мне считать население. Он прячет южан под землёй, чтобы мы не знали, сколько их. Он скрывает что-то.

— Господин, я не знаю...

— Ты не знаешь. — Каэл занёс прут для третьего удара, но замер, глядя в глаза Драгомира. Там был страх. Чистый, животный страх. На мгновение Каэл увидел в этом взгляде самого себя — немого, испуганного, запертого в клетке, из которой нет выхода. Прут дрогнул в его руке. Язык Волка шевелился во рту, подталкивая — бей сильнее, он предаст... но Каэл сжал зубы. Он не хотел быть похожим на тех, кого презирал.

— Убирайся, — сказал он. — Иди в лазарет. Завтра доложишь, что ты здоров.

Драгомир не заставил просить дважды. Когда его развязали, он выбежал, спотыкаясь.

Каэл остался один. Он смотрел на прут, на тень, которую отбрасывала лампа, и внутри него что-то трескалось.

«Ходжа мешает учёту. Я сам пойду. Если я возьму Беренгара, он начнёт задавать вопросы. А я не готов отвечать. Лучше я сам».

Он поднял прут, положил на стол. Потом посмотрел на дверь, за которой скрылся Драгомир. «Он побежит к Беренгару, — подумал Каэл. — Или нет. Неважно. Если я останусь — брат начнёт допрашивать меня. Если я уйду — он подумает, что я предал. Но лучше пусть думает, что я предал, чем узнает правду о том, что я сделал с южанами».

Он достал карту — ту самую, исчерканную, с отметками южных тоннелей. Начал писать приказ о выступлении.

ЧАСТЬ 2: ПОИСКИ

Беренгар стоял на крыльце своего дома, сжимая левой рукой кружку с остывшим чаем. Правая, в перчатке, безжизненно висела вдоль тела. Он смотрел на дорогу, которая уходила за ворота Акрополя, и ждал.

Рыцари возвращались по одному. Пустые. Пустые руки, пустые лица.

— Ничего, господин, — докладывал шестой за сегодня. — Обследовали всю Лунную пустошь до обломков дирижабля. Следов нет.

— А западнее? — спросил Беренгар.

— Не доходили. Там... сами знаете.

Он знал. Западные земли — невидимая смерть. Те, кто ступал на берег, не возвращались. Но несколько поселенцев из дальних хуторов видели девочку. Пепельные волосы, худая, идёт к проливу.

Рыцарь поклонился и ушёл.

Беренгар зашёл в дом. Эленор сидела на кровати, перебирая его старый бронежилет. Она подняла голову, а тот впервые не сказал, а показал жестом: «Нова на западе. Я иду».

Она не стала спорить. Только достала свой нож — тот, который носила ещё со времён южного похода, — и положила рядом с бронежилетом. Жест: «Я с тобой».

«Нет», — показал он.

Она встала, подошла вплотную. Глаза её были холодными, спокойными. Она ткнула пальцем ему в грудь, потом в свою, потом в дверь. «Я с тобой. Не спорь».

Беренгар хотел возразить, но Эленор вдруг замерла, прижав ладонь к виску. Лёгкое головокружение — она моргнула, покачала головой, будто отгоняя наваждение.

— Ты в порядке? — спросил он.

Она кивнула. Жестом показала: «Устала. Плохо спала. Всё хорошо».

Он не стал спорить. Что-то в её лице — лёгкая бледность — заставило его нахмуриться. Беренгар отвернулся, проверяя автомат. Эленор стояла за его спиной. Её рука на мгновение задержалась на животе — короткое, почти незаметное движение. Она убрала руку и взяла нож.

— Идём, — сказал он. — Только будь рядом.

ЧАСТЬ 3: ХРАНИЛИЩЕ

Люк в подземный бункер был замаскирован под старый колодец на центральной площади. Беренгар спустился первым, Эленор — за ним. Факел, который он захватил, выхватывал из темноты бетонные стены, ржавые стеллажи, ящики с маркировкой на языке Древних.

Здесь хранили всё, что удалось вывезти с юга и из окрестных бункеров. Автоматы, пистолеты, гранаты. Бронежилеты — чёрные, кевларовые, с потёртыми поверхностями. Некоторые были разобраны для чистки, другие лежали готовыми.

Беренгар взял автомат и невольно поморщился — оружие показалось тяжелее, чем четыре года назад. Тогда он носил его не снимая, спал с ним, ел с ним. А теперь мышцы отвыкли. Даже ремни разгрузки пришлось затягивать туже — похудел, что ли? Он проверил затвор — щёлкнуло сухо, привычно. Но рука чуть дрожала. Не от страха — от забытого напряжения.

Потом он взял бронежилет. Чёрный, кевларовый. Четыре года он жил без этого веса. А теперь снова надевал. Эленор подошла, коснулась его руки. Жест: «Надо». Он кивнул. Застегнул.

Он надел разгрузочный жилет, затянул ремни. В карманы положил три магазина, две дымовые гранаты, одну осколочную. Пистолет — на пояс, сбоку. Эленор помогла застегнуть бронежилет — тот сел по фигуре, не сковывая движений.

Эленор тоже медлила. Она взяла пистолет, повертела в руках, вспоминая, как держать. Она стреляла редко — только жесты, только тихая жизнь. Палец неуверенно лёг на спусковую скобу. Беренгар мягко поправил её хват. Она кивнула, благодарная.

Потом он проверил кожаный мешок. Стальные когти блеснули в свете факела. Пёс взял их с собой.

Эленор выбрала себе облегчённый бронежилет, пистолет и два ножа — один длинный, с гардой, другой короткий, метательный. Она провернула нож в руке, проверяя баланс. Кивнула.

Они двинулись к выходу. Но у самого люка Беренгар замер.

— Ты слышишь? — спросил он.

Ему показалось, что в глубине бункера, там, где хранились самые ценные находки, кто-то шевелился. Но он списал это на эхо собственных шагов.

Они не знали, что через час в бункер спустятся другие.

ЧАСТЬ 4: ПЛАНЫ

Каэл ждал в своей комнате, пока часы не пробили полночь. Зоряна уже спала — он подмешал ей в вечерний чай отвар ромашки и валерианы, чтобы сон был крепче. Не хотел, чтобы она проснулась и начала спрашивать.

На столе лежала карта южных тоннелей. Он изучил её до дыр — каждый поворот, каждый выход на поверхность, каждую отмеченную станцию. Он знал место, о котором не знал даже Беренгар. Люк на границе Лунной пустоши, в сутках ходьбы от Акрополя. Заваленный камнями, заросший колючкой, он был невидим для случайного путника. Каэл нашёл его четыре года назад по старым картам Древних и никому не сказал. Теперь это был его личный путь на юг.

Вдруг в дверь постучали условным знаком.

— Входите.

На пороге стояли двое. Желан — молодой, с горячими глазами, сжимающий автомат так, будто боялся, что его отнимут. И Тихомир — старый псарь, морщинистый, с седой щетиной.

— Мы уходим на юг, — сказал Каэл, не поднимая головы. — Арестовать Ходжу.

— А господин Беренгар? — спросил Желан.

— Беренгар занят поисками Новы. Мы справимся сами. Ходжа хотел говорить — значит, он не нападёт на командующего. А если нападёт — нас трое. Этого достаточно.

Желан кивнул, Тихомир молчал.

— В хранилище есть бронежилеты, автоматы, патроны. Возьмите всё, что нужно. Через час встреча у северных ворот. Сначала выедем верхом, к люку на границе пустоши. Дальше — пешком, тоннелями.

Рыцари вышли. Каэл остался один. Он взял карту, свернул и сунул во внутренний карман. Потом подошёл к кровати, где спала Зоряна, и долго смотрел на неё. Её лицо было спокойным, во сне она улыбалась — может, снилось что-то хорошее.

Он не стал её будить. Написал записку: «Уехал по делам. Вернусь через седмицу. Не ищи. Каэл». Положил на подушку. Вышел...

Зоряна проснулась под утро. Ещё не рассвело, в окно сочился бледный, молочный свет. Рука нащупала холодную сторону кровати. Она села, увидела записку. Прочитала раз, другой. Потом сжала лист в кулаке и долго сидела так, глядя в стену. Слез не было. Только пустота. И тихий, едва слышный шёпот: «Вернись».

ЧАСТЬ 5: РАССТАВАНИЕ

У северных ворот Акрополя было темно и пусто. Беренгар и Эленор уже стояли у коновязи.

— Ты уверен, что не хочешь взять отряд? — спросил его Милош, молодой рыцарь, которого Беренгар оставил за главного. — На западе опасно.

— Чем меньше людей, тем меньше шума. — Беренгар поправил автомат. — Если Каэл спросит — скажи, что я ушёл на запад, за Новой.

— А если господин тоже уйдёт?

— Он не уйдёт. — Беренгар усмехнулся. — Он же командующий.

Он не знал, что Каэл уже собирался.

Перед тем как тронуть поводья, Беренгар оглянулся. Огни Акрополя, колокольня, тёплые окна. Он подумал: «Четыре года я строил этот город. Теперь ухожу в неизвестность. Как в тот раз, на юг. Но тогда я знал, зачем. А сейчас?» Он перевёл взгляд на Эленор. Она ждала. Кивнул сам себе. Выхал.

Они вышли за ворота и растворились в темноте.

Милош остался один. Он ещё постоял, глядя вслед, потом повернулся к городу. И замер.

Спустя время, из переулка, в сторону северных ворот, вышли трое. Каэл впереди, за ним — двое рыцарей. Они были в бронежилетах, с автоматами, с тяжёлыми рюкзаками. Лошадей держали под уздцы.

— Командующий, — Милош кивнул. — Ваш брат только что...

— Я знаю, — сказал Каэл, даже не взглянув на него. — Ты остаёшься за главного. Держи порядок. И никому не говори, куда я пошёл.

— Но если кто-то спросит...

— Скажешь — на учения. В пустоши. Меня не будет седмицу.

Милош хотел возразить, но Каэл уже прошёл мимо, к лошадям. Желан и Тихомир последовали за ним.

Перед тем как выехать, Каэл остановился. Оглянулся на Акрополь. Ветер донёс запах цветущих яблонь — тех, что посадили четыре года назад. Он подумал: «Хорошо, что я успел увидеть, как они цветут. В прошлый раз, когда я уходил на юг, я не знал, вернусь ли. Теперь у меня есть голос. Посмотрим, что я с ним сделаю». Он перевёл взгляд на Лунную пустошь, тронул лошадь.

Они выехали за ворота — не на юг сразу, а к востоку, огибая город. Там, на границе, в сутках езды, ждал люк. Личный путь второго командующего.

Милош снова остался один. Ветер гнал песок, в домах гасли огни. Город опустел. Не потому, что ушли все люди. А потому, что ушли те, кто держал его. Беренгар — на запад. Каэл — на юг. Братья разошлись в разные стороны. И Милош не знал, вернутся ли они.

«Седмица, — подумал он. — Всего седмица. А потом они вернутся».

Но он не знал, что седмица станет самой длинной в его жизни.

«Если они не вернутся, — подумал рыцарь, — Акрополь станет моим. И я не знаю, радоваться этому или бояться».

ГЛАВА 3: ТРИ ДОРОГИ

Каждый выбирает свой путь. Но все дороги ведут к одному и тому же — к тому, от чего нельзя убежать.

ЧАСТЬ 1: ПИСЬМО ИЗ ПУСТОШИ

Западная окраина Лунной пустоши встречала путников серой, выжженной тишиной. Земля здесь была не пепельной, как у стен Акрополя, а мертвенно-белой, будто её выварили в извёстке и забыли вынуть. Редкие кусты колючки торчали из трещин — сухие, ломкие, похожие на скрюченные пальцы утопленников. Ветер не дул — воздух стоял плотный, тяжёлый, и каждый вдох давался с трудом, словно лёгкие набивали сырой ватой.

Беренгар остановил лошадь, оглянулся. Эленор ехала в двух шагах, её белая кобыла ступала осторожно, будто чужая неладное. Лицо девушки было бледным, под глазами залегли тени — последние дни давались тяжело. Она не жаловалась, только иногда касалась жестом его плеча: «Я здесь».

Из-за россыпи камней, откуда-то снизу, послышался хруст. Беренгар вскинул автомат, но тут же опустил — из расщелины выбрался человек в грязном, замызганном плаще. Лазутчик. Не из его отряда — один из тех, кого Руал рассылал по королевствам для сборов сведений.

— Господин, — парень припал на одно колено, тяжело дыша.

— Ты знаешь эту землю? — резко спросил Беренгар.

— Только то, что там, за рекой, — опасно. Говорят, Древние оставили там под землёй какие-то ловушки — наступишь, и разрывает, — лазутчик пожал плечами. — Люди рассказывают разное. Кто-то говорит про невидимую смерть, кто-то — про зверя, который ест живых. Я дальше не ходил.

Пёс молчал. Потом достал из перемётной сумы смятый лист пергамента, угольный стержень. Писал быстро, почти без помарок:

«Милош. Следи за Каэлом. Докладывай тайно, через лазутчиков. Не вмешивайся, только смотри. Беренгар».

Свернул, залил воском, прижал печатью — простым медяком со звездой Акрополя. Протянул парню:

— Передашь в Акрополь, лично Милошу.

Лазутчик кивнул, сунул письмо за пазуху и быстро зашагал на восток, то и дело оглядываясь на запад.

— Ты не спросил его про Нову, — напомнила Эленор жестом.

— Он не видел её, — ответил Беренгар. — Иначе сказал бы.

Он помолчал, собирая слова.

— Лев перед смертью сказал: «Если она умрёт — рухнет всё». Я не знаю, что это значит. А теперь она ушла — и я должен найти её.

Эленор жестом спросила: «Ты боишься за Каэла?»

Беренгар усмехнулся — горько, одними уголками губ.

— Я доверяю брату, — ответил Беренгар. — У него свои дела. У меня — свои.

Он сказал это вслух, но внутри шевельнулось сомнение. Слишком легко Каэл отмахнулся от его вопросов. Слишком много тайн. Но он отогнал эту мысль. Нова была важнее.

— Каэл предал меня однажды. Ушёл на Юг с языком Волка, бросил нас, заставил гнаться за ним через пустыню. Мы тогда потеряли ребёнка. Не знаю, простил ли я его на самом деле. Может, просто терплю, ради Акрополя. А теперь он опять что-то затеял — отряды на Юг,

тайные приказы. Я должен был пойти к нему, встряхнуть правду. Но я выбрал Нову. Потому что если он предаст снова — я буду готов. А если Нова умрёт — готов не буду никогда.

Эленор взяла его за руку, сжала. Потом показала: «Веришь, что она жива?»

Он посмотрел на запад, где горизонт тонул в белой мути. Ветер, наконец, шевельнулся, принося запах гнилой воды и ещё чего-то — сладковатого, приторного, от чего сводило скулы.

— Должен верить.

Он вскочил в седло, и они двинулись дальше, оставляя за спиной редкие кусты и странно ровные, прямые следы.

ЧАСТЬ 2: ТЕНИ ПРОШЛОГО

Дорога на юг была другой. Здесь, у подножия Лунной пустоши, земля ещё хранила следы древних пожарищ — чёрные проплешины, окаменевшие куски шлака, редкие кости, выбеленные солнцем до белизны. Каэл шёл пешком, ведя лошадь под уздцы. Желан и Тихомир следовали за ним, держа автоматы наготове, хотя вокруг не было ни души.

Каэл шёл и думал о прошлом. О том, как Кот заставил их предать самих себя. Как использовал их слабости — его жажду голоса, Зорянину жажду мастерства. Как отправил их на юг, заставил бросить брата, поставить под удар тех, кого они любили. «Это он, — думал Каэл. — Он нас подставил». Он шёл вперёд, и в его голове крепла мысль: арестовать Ходжу — не только ради спасения мира. Это ещё и месть. За то, что тот сделал с ними. За то, что превратил их в предателей.

Они подошли к чёрному провалу — входу в тоннели Древних. И остановились.

Люк был открыт.

Тяжёлая железная крышка, которую Каэл лично заваливал камнями перед уходом, валялась в стороне, погнутая, будто её срывали с чудовищной силой. Рядом — свежие следы. Не звериные — человеческие, но слишком глубокие, слишком тяжёлые, будто спускался кто-то, чей вес не под силу обычному человеку.

— Кто-то был здесь до нас, — сказал Желан, сжимая автомат.

Каэл молчал. Кот? Зачем ему оставлять следы? Южане? Но они боятся тоннелей. Или... Архитектор? Он отогнал эту мысль. Слишком страшную.

— Неважно, — сказал он наконец. — Идём. Будем готовы ко всему.

Он первым шагнул в темноту.

В тоннеле было сыро и темно. Факелы выхватывали из мрака ржавые рельсы, бетонные стены, капающую воду. Каэл шёл впереди.

— А если господин Беренгар узнает, что мы ушли на юг без его ведома? — спросил Желан.

Каэл усмехнулся — горько, одним уголком рта.

— Тогда объясню. Или не объясню. Он уже знает, на что я способен. Предал я его — не он меня.

Он прибавил шаг, уходя в темноту тоннеля.

На одной из развилок Каэл остановился. На рельсах лежало перо. Крупное, тёмно-синее, с серебристым отливом. Он поднял его, поднёс к лицу. Запах — незнакомый, чужой. Не Кот, не Лиса, не люди. Язык Волка шевельнулся во рту — тревожно, предупреждающе. «Кто-то был здесь. Кто-то, кого я не знаю». Он сунул перо за пазуху и пошёл дальше, но тревога осталась.

ЧАСТЬ 3: ЗОВ

От Лунной пустоши до руин в южных землях Нова шла несколько суток. Она не помнила, когда начался этот путь — очнулась утром на краю пепелища и пошла. Не раздумывая, не выбирая дороги. Ноги сами несли её, обходя западные земли, туда, где из серой мглы вырастали чёрные скелеты древних небоскрёбов.

Когда-то они уходили в небо на сотни метров — стеклянные, стальные, с острыми шпилями, пронзавшими облака. Теперь от них остались только нижние ярусы, вросшие в землю, затянутые паутиной ржавчины и мха. Но то место, куда вело её тело, находилось выше — туда, где ветер гулял по пустым этажам, а бетонные перекрытия помнили шаги Льва.

Нова вошла в пролом стены, перешагнула через груды щебня и начала подниматься. Лестницы были разрушены — приходилось карабкаться по арматуре, цепляясь за выступы, рискуя сорваться в темноту шахты. Но её тело не ведало страха. Оно знало путь.

Она поднималась долго — может, час, может, два. Потолок исчез — над головой разверзлась чернота, в которой терялись балки и обрывки кабелей. Ветер завывал в пустых оконных проёмах, играл с её пепельными волосами, бросал в лицо песок.

И наконец она вышла в зал.

Зал был огромным — когда-то здесь, в эпоху Древних, принимали решения, которые меняли мир. Колонны из чёрного, отполированного камня уходили вверх, теряясь в сумраке. Пол был выложен плитами из тёмного сланца, потрескавшимися, но всё ещё блестящими. В дальнем конце зала, на массивном постаменте из металла, стояли они.

Чёрные кубы.

Каждый был размером с человеческую голову, с цифрами на гранях. Тот самый счётчик, который Лев крутил, сверяясь со списками переписи.

Нова замерла на пороге. Голова закружилась — цифры поплыли перед глазами, складываясь в столбцы, умножаясь, делясь. Она шептала их, не понимая смысла.

Где-то в груди пульсировал холодный, ровный ритм, похожий на тиканье часов. Тело не слушалось — оно само тянуло её к кубам. Она сделала шаг, другой, третий... Рука почти касалась ближайшего куба.

— Стоять, — раздался голос сбоку.

Нова не обернулась. Не остановилась.

Из тени колонны вышла Лиса — Рене, надсмотрщица этих земель. Она двигалась бесшумно, плавно, как кошка, но в каждом жесте чувствовалась сила, которую не спрятать за изяществом.

Лиса была красива — той хищной, опасной красотой, от которой невозможно отвести взгляд. Её шерсть — рыжая, с медным отливом — лежала ровно, переливаясь при каждом движении, будто её ежедневно расчёсывали и натирали маслами. Белые кончики ушей и хвоста были безупречно чистыми, без единого спутанного волоска. Кожа на морде — гладкая, без шрамов и пятен, с аккуратным розовым носом и длинными, загнутыми ресницами. Глаза — жёлтые, с вертикальными зрачками — смотрели насмешливо и чуть устало.

Она не могла сама за собой так ухаживать — для этого нужны были чужие руки. И они были. В её гареме жили только красивые женщины, которые расчёсывали её шерсть, мыли её, подбирали одежду, красили когти охрой. Лиса любила роскошь. Любила, когда ею любуются. И ненавидела всё уродливое — в первую очередь в себе.

— Ты глухая? — спросила она, обходя Нову полукругом. — Я сказала — стой.

Нова продолжала идти. Медленно, неотвратимо. Её пальцы уже касались холодного металла куба.

Лиса нахмурилась. Никто не игнорировал её. Никто не осмеливался.

— Чистая, — сказала она, принюхиваясь. — Девственная. И лицо... тонкое, правильное...

Девочка не отвечала. Её рука легла на куб, и по телу прошла судорога — цифры хлынули в сознание лавиной, ослепляя, заставляя тело выгибаться дугой.

— Ты меня слышишь? — Лиса повысила голос. — Я с тобой говорю!

Нова на мгновение вышла из транса. Её глаза сфокусировались на Лисе, и она прошептала:

— Я — дочь Маахеса. Мой отец придёт за мной.

Лиса замерла. Её рука невольно коснулась левого бока, там, где под шерстью прятался старый шрам — след от когтей Маахеса, который она носила в себе годами. На мгновение в её жёлтых глазах мелькнула тень. «Он мёртв, — сказала она, но голос её дрогнул. — Мёртв. Ты — самозванка». Она отогнала сомнение и схватила Нову.

— Ты издеваешься? — прошипела Лиса, встряхнув её. — Я предлагаю тебе жизнь в роскоши, вечную красоту, защиту от уродства смерти, а ты?

Она занесла руку для удара — но не ударила. Вместо этого подхватила девочку под мышки, перекинула через плечо и быстрым шагом понеслась к выходу из зала. Нова не кричала. Не вырывалась. Только шептала цифры в такт шагам, и её безжизненные глаза смотрели на удаляющиеся кубы.

ЧАСТЬ 4: ПОЛЕ СМЕРТИ

Беренгар понял, что следы ложные, когда они привели к россыпи камней у сухого русла. Отпечатки детских ног — слишком ровные, слишком прямые — просто исчезли, будто их оставил не ребёнок, а взрослый, привязавший к сапогам дощечки.

— Кто-то водил нас за нос, — сказал он, разгибая спину. — Новы здесь нет.

Эленор подошла, посмотрела на него. Жест: «Возвращаемся?»

Беренгар долго молчал. Смотрел на запад, где в серой дымке угадывались чёрные силуэты. Ветер донёс запах — сладковатый, приторный, с нотками гнили.

— Нет, — сказал он наконец. — Новы здесь нет. Но тот, кто оставил следы, — оттуда. Если мы вернёмся ни с чем, мы ничего не узнаем. А если пойдём дальше — может, найдём тех, кто знает, куда её утащили. И заодно уничтожим старый Порядок, если он там есть.

Эленор нахмурилась, но кивнула.

Они пошли к реке.

Река оказалась шире, чем казалось издалека. Вода в ней не текла, а стояла — мутная, маслянистая, с радужными разводами. У берега плавали обрывки ткани, какие-то кости и что-то мягкое, бесформенное, от чего девушка отвернулась.

На том берегу, у кромки камыша, курились дымки — несколько человек в рваной одежде, с автоматами и ножами, грелись у костра.

— Не стрелять, если не будут нападать, — шепнул Беренгар.

Но напали. Очередь из ржавого автомата — пуля ударила в камень. Беренгар ответил, срезав одного. Эленор метнула нож — второй упал. Остальные бросились в реку, переплыли, побежали на запад.

Через несколько секунд раздались хлопки — сухие, звонкие. Кровавый туман взметнулся над землёй. Один из беглецов отлетел на несколько метров — от него осталась только нижняя половина туловища, из которой вываливались внутренности.

— Так вот что это за ловушки Древних, — сказал Беренгар. — Под землёй. Наступишь — и смерть.

Переходить через реку по трупам было омерзительно. Беренгар выдернул из трупа одного из бандитов длинный кусок арматуры, заострил о камень — получился шуп. Теперь они двигались медленнее: тычок в землю, шаг, ещё тычок.

На берегу, привалившись к камню, сидела женщина. Она была ещё жива, но грудь её была разорвана — осколок мины, орудия Древних, попал в живот. Она смотрела на Беренгара мутными, умирающими глазами. Её губы шевелились. Он наклонился, услышал хриплый шёпот:

— Он... Сквор... он не умирает... он ест нас... чтобы жить... бегите...

— Кто это? — спросил Беренгар.

— Барон... Топи... бессмертный... — Женщина захрипела, её глаза закатились.

Беренгар закрыл ей глаза. Поднялся. Сжал шуп.

— Что она сказала? — спросила Эленор жестом.

— Что нас ждёт тот, кого нельзя убить.

Тела взорвавшихся лежали вперемешку — кишки, обрывки одежды, размозжённые головы. Беренгар ступил на первого убитого, перешагнул на второго. Эленор шла за ним, стараясь не смотреть вниз, но ноги то и дело скользили на внутренностях.

Когда трупы кончились, пёс поднял тяжёлый камень и бросил вперёд — взрыв. Ещё камень — ещё взрыв. Так они двигались дальше.

За очередным холмом открылась картина, от которой у путников перехватило дыхание.

Поле смерти простиралось насколько хватало глаз — чёрная, жирная земля, усеянная телами. Не десятками — сотнями. Тысячами. Человеческие останки лежали вперемешку с

животными — лошади, коровы, собаки. Некоторые трупы были свежими — кожа ещё не успела потемнеть, из ран сочилась сукровица. Другие — полуистлевшие, с обнажёнными костями. Третьи превратились в скелеты.

Запах стоял такой, что закладывало ноздри. Смесь гниющей плоти, фекалий, формалина и ещё чего-то сладкого, приторного. Эленор отвернулась, её вырвало.

Беренгар остановился за холмом, прислушиваясь к чавкающим звукам, доносившимся из-за гребня. Он вспомнил слова умирающей женщины: «Он не умирает. Он ест нас, чтобы жить». Он сжал автомат. «Значит, пули не помогут. Но я должен попробовать».

В центре этого кошмара, на небольшом возвышении из черепов, сидел он.

Зверочеловек.

Огромный, тучный, с редкой клокастой шерстью, местами вылезшей совсем, обнажая серую, потрескавшуюся кожу, покрытую струпьями и старыми шрамами. Голова — огромная, с тяжёлой нижней челюстью, которая почти волочилась по земле. Пасть приоткрыта, из неё свисали нити слюны, смешанные с бурыми потёками. Зубы жёлтые, сточенные, но передние клыки торчали наружу. Глаза маленькие, глубоко посаженные, белесые с красными прожилками. Вместо ушей — два рваных отверстия, затянутых серой плёнкой.

Он сидел на груде человеческих останков, положив на колени свежий труп молодой женщины. Ел. Отрывал руку — с хрустом, влажным чавканьем, обгладывал пальцы, сдирал кожу зубами. Кровь текла по подбородку, смешиваясь со слюной и гноем из прыщей. На губах болтались черви — трупные, белые, жирные. Один упал в раскрытую рану на груди жертвы, и зверь, не глядя, подцепил его когтем и жадно съел.

Рядом стояли ржавые весы, переполненные отрезанными конечностями — руки, ноги, кисти. Рядом — глиняная миска с тёмной жидкой массой. Зверь макал в неё куски мяса, облизывал и отправлял в рот. Жижа пахла укусом, гнилью и ещё чем-то — возможно, мочой.

ГЛАВА 4: БАРОН И СУДЬЯ

Красота и смерть — две стороны одной монеты. Только одна из них врёт тебе в лицо.

ЧАСТЬ 1: «ЖАЛКОЕ МЯСО»

Зверочеловек западных земель медленно и лениво взглянул на путников, забрédших в лапы смерти.

— О, гости, — его булькающий голос прозвучал с ленивым удивлением. — Жалкое мясо, но мясо. Давно я не видел живых на этом берегу.

Беренгар медленно поднял автомат. Палец замер на спусковом крючке, но внутри шевельнулось что-то липкое, давнее. Воспоминания нахлынули, как грязная вода.

Агам с белым флагом. Тогда он тоже не стал ждать. Выстрелил первым. И Бастион рухнул. Сотни погибших. Потом — погоня за Каэлом. Пустыня, жара, кровь Эленор, её живот, разорванный когтями Лисы. Ребёнок, которого он не сберёт.

Он вспомнил слова умирающей женщины: «Он не умирает». И понял: пули бесполезны. Но попробовать стоило.

Пёс нажал на спуск. Очередь свинцовых пуль вошла зверю в голову и грудь. Огромное тело рухнуло в груды костей. Черепа разлетелись, поднялось облако трупной пыли. Мухи взвились роем.

Тишина.

А потом тот поднялся. Медленно, тяжело. Пулевые отверстия затягивались, превращаясь в уродливые багровые рубцы. Одна пуля выпала из щеки вместе с куском гниющей плоти. Зверь подхватил её, посмотрел белесыми глазами и бросил в грязь. Путники смотрели на затягивающиеся раны и впервые за долгое время почувствовали не ярость — бессилие. Это создание нельзя было убить — можно было только сделать ещё более уродливым.

— Ты не умрёшь, — сказал Беренгар, и голос его дрогнул.

— Нет, — ответил Сквор. — Я давно забыл, что такое смерть. Но я помню боль. Она единственное, что осталось настоящим.

Эленор стояла рядом, и её рука легла на плечо Беренгара. Она чувствовала его бессилие. Но она не могла помочь.

— Я не убиваю сам, если не голоден, — сказал бессмертный устало. — А вы мне не нужны. Уходите.

Беренгар опустил автомат. Бесполезное орудие в данном случае. И невольно спросил:

— Ты знал Льва?

Сквор замер. Его глаза на миг ожили, и в них мелькнуло нечто, похожее на боль.

— Знал, — ответил он. — И любил. Безответно. Веками. А вы... вы убили его.

Атмосфера накалилась, но пёс решил продолжить задавать вопросы. Он спросил зверя про девочку: пепельные волосы, худая, на левой щеке родинка. Тот замер. Его белесые глаза расширились, и он прошептал:

— Дочь Льва... Я знаю, о ком ты говоришь. Я видел её. Когда-то давно. Лев привозил её сюда... показать мне. Она улыбнулась мне. Единственная, кто улыбнулся за всю мою жизнь.

А потом его голос сорвался в булькающий, полный ненависти шёпот:

— Вы убили моего короля. Я чую запах его крови на ваших руках. Никогда не прощу.

Он сглотнул — неестественно толстый кадык дёрнулся — и продолжил уже тише, почти безразлично:

— Я не знаю, где она. Но я чую. Её запах ведёт к руинам на Юге, а дальше теряется. Там — земли Лисы. Если Лиса нашла её... Лиса не знает, кто такая Нова. Не знает, какая сила течёт в её крови.

Он помолчал, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на предостережение:

— Лиса убивает не по приказу, не по Жребию. Когда захочет. Когда женщина перестаёт быть красивой, когда сопротивляется, когда просто надоедает. Ей всё равно, кто перед ней — дочь Льва или нищенка. Она заберёт девочку в гарем. Будет держать, пока не надоест. А потом убьёт.

Но прежде, чем отпустить героев, зверь предложил им прогуляться по своим землям. Заодно он расскажет, как добраться с его земель до территорий Лисы. Те вынуждены были согласиться.

Зверочеловек-гиена повёл их в своё поселение. Дорога вилась между болот, где вода стояла чёрная, маслянистая, с радужными разводами, и из неё торчали кости. Воздух давил на плечи, заставлял ноги вязнуть.

Город открылся неожиданно — грязные, слепленные из глины и человеческих костей лачуги, узкие улочки, по которым текло жидкое месиво из грязи и нечистот. Люди шарахались от зверя, падали ниц и шептали: «Барон Топи... Хозяин... Сквор...». Их серая кожа обтягивала кости, глаза были пустыми, с красными прожилками.

Беренгар и Эленор пошли за зверем через город к его резиденции. Улочки становились всё уже, лачуги — всё более убогими. Вонь стояла такая, что к горлу подкатывала тошнота. И тут они увидели детей.

Их было пятеро — голодных, грязных, совершенно голых. Они сидели прямо в жидкой грязи у порога одного из домов и смотрели пустыми, ничего не выражающими глазами. Кожа обтягивала рёбра, животы вздулись, а на ногах и руках виднелись язвы. Самый маленький — мальчик лет двух — лежал на боку и не двигался. Он был ещё жив — грудь чуть вздымалась, — но глаза его были открыты и смотрели в небо.

Эленор остановилась. Посмотрела на детей. Её рука медленно поднялась и коснулась шрама на животе — там, где когда-то была надежда, где рос Лapid, которого она потеряла в пустыне. Её глаза наполнились слезами, но она не дала им пролиться. Она просто стояла, глядя на умирающего мальчика.

Беренгар положил руку ей на плечо.

Он хотел остановиться. Хотел подойти к детям, отдать им воду, еду, попытаться спасти хотя бы одного. Но если он остановится сейчас — Нова умрёт. Он знал это. Он чувствовал это. Он продолжил идти, чувствуя, как внутри него что-то ломается.

— Идём, — сказал он тихо. — Мы не можем им помочь. Не сейчас.

Она кивнула. Вытерла глаза рукавом. Пошла дальше, не глядя на детей.

На площади у деревянного помоста стояли старые ржавые весы. Женщина в грязном платке — простая деревенская жрица — выкрикивала имена. Несколько человек вытянули чёрные бирки. Сквор нехотя взвесил каждого — гири показали «легче нормы».

— Мало мяса, — сказал он равнодушно. — Малый паёк.

Жрица зашептала молитвы, люди пали на колени, благодаря. Обречённые плакали, но не сопротивлялись. Палач — тощий мужик с тупым ножом — отделил одного. Беренгар сжал кулак. Он хотел вмешаться. Хотел остановить эту бойню. Он слышал глухой удар, влажный хруст и всхлипы, которые быстро стихли. Эленор коснулась его руки — не останавливая, просто чтобы он знал: она рядом.

— Не вмешивайся, — тихо сказал Сквор. — Это Порядок. Без него они сожрут друг друга за неделю...

Логово зверя находилось в дальнем конце города — бывший скотобойный цех, переделанный во дворец ужаса. Стены из ржавого железа и бетона, кое-где обтянутые человеческой кожей с волосами. Пол залит чем-то чёрным, липким.

Внутри, по углам, лежали останки зверолодей. Один — с длинной вытянутой мордой, похожей на рыбу, с тремя рядами игл вместо зубов — голова прибита гвоздём через глазницу. Другой — с крыльями, сломанными, прикрученными проволокой к балке. Третий — с панцирем, расколотым надвое. Остальные — только груды костей.

— Трофеи, — сказал Сквор. — Те, кто пытался отнять мои земли или убить Льва. Они восстали против него. Против Маахеса. Я убил их. Ловил, пытал, ел. Предателей не прощаю.

В центре зала возвышался трон из человеческой кожи — разных оттенков, сшитой грубыми стежками. Кости служили опорами, на подлокотниках — кисти рук, сведённые в кулаки. Сиденье обтянуто скальпами, в центре — стеклянная банка с засохшим чёрным сердцем.

Сквор опустился на трон, кожа скрипнула. Эленор коснулась шрама на шее — жест «боль» и «память» одновременно. Беренгар кивнул. Она сжала его руку и жестом показала: «Спрашивай».

— Ты хотел знать о Нове, — начал зверь. — Я скажу. Но сначала — ты скажешь мне, почему ты убил Маахеса.

Беренгар сжал зубы.

— Он хотел убить всех, кого я люблю.

— Он хотел спасти мир, — ответил Сквор. — И он нёс это в себе до конца. Как ты теперь несёшь свою ношу.

Беренгар не дослушал, лишь перевёл дыхание и перебил:

— Что значит «миллион»? Лев перед смертью сказал: когда миллион лишних душ заселят поверхность, Архитектор придёт снова.

Сквор долго молчал. Его глаза смотрели сквозь путников.

— Это предел, — сказал он наконец. — Предел человеческой расы. После этого числа — смерть всего живого. Не выборочно, не жребием — всех. Мужчин, женщин, детей. Всё, что дышит.

И продолжил, сглотнув:

— Это уже случалось раньше. Мир, который был до нас, погиб не случайно. Люди перешли порог энергии эволюции. А потом пришёл Архитектор. Маахес пытался остановить его. Мы пытались. И проиграли. Теперь мы просто поддерживаем порядок, чтобы порог не был перейдён снова. Вы думаете, жребий — жестокость? Это милосердие. Убивать тысячи, чтобы не убили миллионы.

Он перевёл взгляд на Беренгара.

— Лев не сказал вам, кто такая Нова. Я вижу. Я тоже не скажу. Но помните: если она умрёт — умрёт весь человеческий род.

Сквор поднялся с трона, кожа скрипнула. Он шагнул к псу.

— А я... я хочу умереть. Я устал. Я слишком долго живу. Каждое утро я чувствую запах собственного разложения. Клетки делятся снова и снова, и каждая новая хуже предыдущей. Я не человек, не зверь, не бог. Я — ошибка.

Он протянул псу карту — кусок выдубленной кожи.

— Это безопасная дорога. Идите к югу, к Лисе. Спасайте дочь Льва. Она — последняя надежда вашего рода.

Беренгар взял карту дрожащей рукой. Посмотрел на неё, потом на Сквора — на его руки, всё ещё покрытые кровью. «Я беру карту у того, кто жрёт людей, — подумал он. — Но если я не возьму — Нова умрёт. Если я не возьму — всё, что мы построили, рухнет. Я должен. Даже если это значит, что я буду спать с этим знанием до конца жизни».

— Спасибо, — выдавил он. Голос был чужим, хриплым.

Сквор не ответил.

Эленор взяла его за руку. Они повернулись к выходу.

— Вы голодны. Я вижу. Можете взять с собой. Мясa много. Свежего. — Он кивнул на грудy тел.

Беренгар замер. Желудок свело судорогой — они не ели почти сутки. Запах мясa, даже человеческого, ударил в ноздри, заставил сглотнуть. Он почувствовал, как внутри, там, где он прятал свою человечность, шевельнулось что-то тёмное, голодное, готовое на всё.

Эленор сжала его руку. Крепко. Почти до боли. Её лицо было белым, но она покачала головой. Жест: «Нет».

Беренгар выдохнул. Сделал над собой усилие — такое, какое не делал даже в бою.

— Мы не едим людей, — выдавил он сквозь звериный голод.

Сквор усмехнулся. Из пасти вывалился червь.

— Как хотите. Ваш выбор. Но запомните: голод меняет всё. Рано или поздно вы будете есть то, что есть. Или умрёте.

Беренгар не ответил. Они вышли.

На улице, уже уходя, Беренгар обернулся. Посмотрел на город Топи, на его голодных жителей, на детей, которые всё ещё сидели в грязи.

— Я пришлю сюда повозки. С продовольствием. С едой. С одеждой. Мы поможем им. Чем сможем.

Эленор посмотрела на него. Её глаза были сухими, но в них читался вопрос.

— Но я не знаю, — продолжил Беренгар, и голос его дрогнул. — Будут ли они есть ягоды, траву и мясo животных? Или они уже забыли вкус нормальной пищи?

Он замолчал. Эленор не ответила. Только сжала его руку.

Они двинулись к югу, оставляя за спиной город Топи, его голодных жителей и бессмертного барона, который ел человечину, оплакивая того, кого никогда не держал в объятиях.

Эленор шла молча, не отпуская его руку. Беренгар знал — она вспоминала детей. И своего. Лапида. Маленького камня, который не успел родиться.

— Мы найдём Нову, — сказал он. — А потом вернёмся сюда. И попробуем помочь.

Она кивнула.

А когда шаги героев стихли, Сквор остался один. Он тяжело подошёл к стене, где на ржавом гвозде висел чей-то череп, с длинными клыками и трещиной во лбу. Зверь провёл когтем по гладкой кости.

— Мы когда-то были едины, — прошептал он, обращаясь к пустоте. — Все зверолюди. Вместе правили миром, чтобы люди не перешагнули порог. А потом... потом вы ушли за океан. Вы решили, что жребий — это жестокость. Что люди заслуживают свободы. И вы позволили им плодиться без счёта.

Он замолчал. В тишине было слышно, как где-то в углу копошатся крысы.

— Я не сказал им, — продолжил он. — Пусть ищут Нову. Пусть верят, что спасут мир. А когда Архитектор придёт, он уничтожит всех — и вас, и нас. Я был на том берегу. Я видел ваши города, ваши свободные народы, которые уже перешагнули миллион. Порог пройден. Осталось только, чтобы Архитектор проснулся. И забрал всех... и меня... наконец-то...

Он вернулся на трон, опустился на скрипучую кожу, взял с блюда кусок человеческого мясa, поднёс к губам — и замер. В его взгляде, лишённом надежды, застыла тоска.

Сквор надкусил мясo, и по подбородку потекла кровь, смешиваясь с гноем и червями.

ЧАСТЬ 2: «ОСТРОВ ЛЮБВИ»

Нова пришла в себя на шёлковых простынях. Воздух был влажным, прохладным, пах цветами и чем-то сладким — не приторной гнилью царства Сквора, а живым, настоящим. Она лежала на спине, и первое, что увидела, — высокий сводчатый потолок, расписанный золотыми птицами и цветущими ветвями.

Это сон, — подумала она. — Я умерла в пустыне, и это рай.

Но рай не может быть под землёй. А она была под землёй — девушка почувствовала это по далёкому, едва уловимому гулу вентиляции, по ровному, неестественному свету, лившемуся откуда-то сверху, из-за прозрачных панелей, за которыми угадывались лампы Древних.

Рядом бесшумно двигались девушки. Обнажённые, с идеальными телами — у одной были длинные, ниже пояса, пепельные волосы, у другой — короткий ёжик и родинка на бедре, у третьей — веснушки, рассыпанные по плечам, — они были словно вырезаны из слоновой кости. Их лица не выражали ничего. Ни радости, ни печали, ни покорности.

Они поднесли ей серебряное блюдо с фруктами — сочными, не тронутыми гнилью, каких Нова не видела никогда. Подали кубок с прозрачной, холодной водой. Обмахивали веерами, отгоняя несуществующую духоту.

Нова села, огляделась.

Она находилась в огромном зале. Стены были сложены из полированного камня, украшены шёлком и мехами. По полу, выложенному мраморными плитами, были разбросаны подушки и низкие столики с яствами. В центре зала, под открытым небом — нет, под огромным куполом, за которым девушка угадала толщу земли, — плескался бассейн. Вода в нём была такой чистой, что видно было дно, выложенное голубой плиткой. По углам росли настоящие деревья — низкорослые, с изогнутыми стволами, и в их ветвях перекликались живые птицы. Нова не слышала живых птиц с того дня, как ушла из Акрополя. Здесь они пели так же, как там, но от этого казались ещё более чужими. Их пение было тихим, но отчётливым, смешиваясь с плеском воды.

В бассейне, погрузившись по плечи, сидела Лиса. Из воды торчала только её голова — узкая, рыжая, с аккуратными ушами-кисточками и жёлтыми глазами. Она не купалась — она нежилась, прикрыв веки, и вокруг неё в воде толпились женщины. Обнажённые, они подливали ей на затылок холодную воду, массировали плечи, целовали мокрую шерсть на её щеках.

— Госпожа Рене... госпожа Судья... — шептали они, касаясь губами её ушей. — Ты прекрасна... позволь нам служить тебе...

В их шёпote было благоговение, но глаза оставались пустыми. Ни любви. Только страх — глубокий, въевшийся, как запах тлена в топах бессмертной гиены. Словно каждая из этих идеальных женщин знала: малейшая ошибка, недовольство, старение — и она окажется за воротами, в грязи, среди тех, кому не повезло родиться красивыми.

Нова смотрела на них. На их идеальные тела, на их пустые глаза. Она вдруг поняла: они не живут. Они просто существуют. Как куклы. Как вещи. «Я не хочу стать такой», — подумала она.

А Лиса не смотрела на своих служанок. Её жёлтые глаза, сузившиеся в тонкие щели, были устремлены на девочку. Любопытство, смешанное с ленивым удовольствием.

— Пришла в себя, — сказала она, и голос её был мягким, мурлыкающим. — Хорошо. Я боялась, что ты умрёшь по дороге.

Она поднялась из воды — резко, красиво, откинув голову назад. Вода стекала по её телу — телу женщины, идеального, без единого изъяна. Узкая талия, плоский живот, высокая грудь с острыми сосками. Но ниже пояса — ничего. Только гладкая, золотистая шерсть, скрывающая

всё, что у людей считается интимным. Лиса была бесполой — или скрывала свою природу так искусно, что Нова не могла понять.

«Она не может иметь детей, — подумала девочка. — Не может любить. Только судить и коллекционировать. Вечный зритель, который сам не участвует в жизни».

Служанки тут же накинули на госпожу расшитый золотом халат, застегнули тонкие застёжки. Та шагнула к Нове, ступая босыми ступнями по мрамору.

— Ты, наверное, голодна, — сказала она, беря с блюда виноградину и поднося к губам Новы. — Ешь. Здесь не умирают с голоду. Здесь наслаждаются.

Нова сжала зубы. Виноградина упала на пол.

— Не трогай меня, — прошептала она.

Лиса наклонила голову. Её уши вздрогнули.

— Какая смелая. Мне нравятся смелые.

Она села рядом, отодвинув служанку, и взяла гребень из слоновой кости. Начала расчёсывать волосы Новы — осторожно, почти нежно, распутывая колтуны, оставшиеся после пустыни. Потом взяла влажную тряпку и протёрла лицо девочки, смывая грязь и запёкшуюся кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.